
Эрика Сандлер
Запретный поцелуй вампира

Эрика Сандлер
Запретный поцелуй вампира

https://litres.ru/74752234
SelfPub; 2026

Аннотация

Принцесса фей Элирия вынуждена выйти замуж за принца вампиров Каэлена, чтобы скрепить хрупкий мир между их народами. Она соглашается — ради больного отца и гибнущего королевства, — но даже не подозревает, что попадает в замок, где каждый камень помнит другую женщину.

Каэлен холоден и презрителен. Он не скрывает: этот брак — политическая сделка, а его сердце навсегда отдано леди Сильване, первой любви, которую королева-мать так и не позволила ему выбрать. Сильвана теперь невеста его младшего брата, но продолжает жить во дворце — и в памяти Каэлена. Королева Морвен, обожающая бывшую избранницу сына, делает всё, чтобы новая невестка почувствовала себя чужой.

Элирия не собирается сдаваться. Но когда она случайно узнаёт, что королева готовит заговор против её отца, а Сильвана плетёт собственные интриги, фея понимает: чтобы выжить, ей придётся заключить союз с самым опасным человеком в этом замке — собственным мужем.

Содержание

Глава 1. Сделка на крови 4
Глава 2. Ледяной приём 12
Глава 3. Тень прошлого 20
Глава 4. Королева-мать 31
Глава 5. Брат и невеста 40
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Эрика Сандлер
Запретный поцелуй вампира

Глава 1. Сделка на крови

Элирия поняла, что случилось что-то непоправимое, когда в оранжерею вошёл королевский гвардеец — не садовник, не слуга, не вечно недовольная распорядительница, а именно гвардеец, в парадном доспехе, с лицом человека, которому велели сообщить о пожаре, но запретили кричать.

Она как раз пересаживала лунный жасмин. Тонкие белые корни дрожали в её ладонях, а земля под ногтями пахла дождём и весной. В Терновом королевстве фей весна была не временем года, а обязанностью: её следовало поддерживать, подкармливать, уговаривать. Элирия умела уговаривать цветы лучше, чем людей. Цветы хотя бы не лгали.

— Ваше высочество, — сказал гвардеец и поклонился так низко, что его шлем блеснул, как перевёрнутая чаша. — Король требует вас в тронный зал. Немедленно.

— Что-то с отцом? — Элирия поднялась слишком быстро. Жасмин выскользнул из рук, и она машинально поймала его, испачкав подол светлого платья. — Он болен? Ему хуже?

— Король... здоров, ваше высочество.

Пауза перед словом «здоров» была такой длинной, что в ней успела умереть вся её безмятежность.

В тронном зале пахло кровью. Не метафорически — Элирия слишком хорошо знала этот запах, чтобы ошибиться. Он висел под сводами, тонкий, металлический, смешанный с ароматом воска и старых камней. На мраморном полу перед троном блестела чаша. Рядом стоял человек в чёрном, и от него веяло холодом так сильно, что розы в кадках у колонн начали медленно закрывать бутоны.

Король Альдрик сидел на троне, выпрямившись, как струна. Его лицо было спокойным. Слишком спокойным. Так спокойны бывают люди, которые уже приняли решение и боятся, что голос выдаст их с головой.

— Дочь моя, — сказал он. — Подойди.

Элирия подошла. Она не смотрела на человека в чёрном, но чувствовала его взгляд — как сквозняк под дверью, как чужое дыхание на затылке. Она остановилась у подножия трона и только тогда позволила себе поднять глаза.

— Это договор, — сказал король Альдрик. — Война с вампирами длится слишком долго. Мы теряем леса. Они теряют крепости. Обе стороны теряют детей. Сегодня мы подписали мир.

— Мир? — Элирия почувствовала, как улыбка трогает губы — неуместная, растерянная. — Это же... хорошо?

— Мир скреплён браком.

Тишина в зале стала такой плотной, что Элирия услышала, как где-то в глубине дворца капает вода.

— Браком, — повторила она.

— Ты выйдешь замуж за принца Каэлена, сына короля вампиров Валерена. Через три дня. Обряд состоится в Терновом замке.

— Через три дня, — снова повторила Элирия. Слова падали из неё, как камешки в колодец. — За вампира. За сына короля вампиров. За...

— За наследника, — поправил человек в чёрном.

Голос у него был низкий, ровный, без тени интереса. Элирия наконец посмотрела на него прямо.

Он был красив той неправильной, неудобной красотой, которая не успокаивает, а предупреждает. Бледная кожа, тёмные волосы, забранные назад, глаза цвета старого льда. На вид ему можно было дать и двадцать, и тридцать, и сто лет — вампиры не старели, они просто становились собой всё больше и больше. На пальце блестел перстень с чёрным камнем. На губах не было ни улыбки, ни презрения. Только скука.

— Ваше высочество, — сказал он. — Я — принц Каэлен. Ваш будущий муж.

— Я знаю, кто вы, — сказала Элирия. — Вы — тот, из-за кого мои леса горели прошлой осенью.

— Мои крепости тоже горели, — ответил он. — Мы квиты.

— Это не квиты. Это...

— Элирия, — оборвал её отец.

Она замолчала. Не потому, что испугалась. Потому что в голосе отца была та самая трещина, которую она слышала утром, когда он думал, что его никто не видит. Он боялся. Не вампиров. Он боялся за неё.

— Договор уже подписан кровью, — сказал король Альдрик. — Ты знаешь наши законы. Кровь фей не лжёт. Если мы отступим, магия отвернётся от нас. Леса засохнут. Реки станут солёными. Мы не можем отступить.

— А я могу? — тихо спросила Элирия.

Отец опустил глаза. Впервые за её двадцать лет.

Человек в чёрном — принц Каэлен — подошёл к чаше и поднял её. На дне блестела тёмная капля.

— Ваша кровь уже в договоре, — сказал он. — Капля, взятая у вас во сне. Ваш отец позволил.

Элирия почувствовала, как холод поднимается от пальцев ног к горлу. Во сне. Её взяли, пока она спала. Как вора.

— Я не давала согласия.

— Согласие — роскошь для тех, кто может себе её позволить, — сказал Каэлен. — Добро пожаловать во взрослую политику, ваше высочество.

Она ударила бы его. Правда, ударила бы — ладонью по этой бледной скуле, чтобы хоть на миг стереть с его лица это выражение. Но гвардейцы стояли слишком близко, отец смотрел слишком умоляюще, а магия в её крови уже тяну-

лась к чаше, признавая договор, признавая кровь, признавая клетку.

— Три дня, — сказала Элирия. — Мне нужно время, чтобы собраться.

— Два, — сказал Каэлен. — Дорога занимает день. Мы выезжаем завтра на рассвете.

Он поставил чашу на место и поклонился — ровно настолько, насколько требовал этикет, и ни на волос больше.

— Ваше высочество.

И ушёл. Двери за ним закрылись так тихо, будто их прикрыла ладонь.

Элирия стояла в пустом зале, среди закрывшихся роз, и слушала, как в её груди что-то трещит — не громко, не трагично, просто как лёд на реке в начале весны.

— Отец, — сказала она. — Скажи мне, что это не конец.

— Это начало, — ответил король Альдрик. — Плохое или хорошее — зависит от тебя.

Дорога до Тернового замка была серой.

Элирия всегда думала, что тьма вампиров должна быть чёрной — бархатной, тяжёлой, с блеском. Но всё оказалось иначе. За границей фейских лесов мир потерял цвет постепенно, как будто кто-то выкрутил насыщенность. Сначала пропали ярко-жёлтые лютики, потом — зелёный шум листвы, потом — тепло. Остались камни, туман и небо, похожее на остывшую золу.

Она ехала в закрытой карете, но всё равно чувствовала, как меняется воздух. Он становился суше. Холоднее. В нём не было pollen — той самой золотистой пыльцы, которая в фейских землях оседала на ресницах и пахла мёдом. Здесь воздух был пустым.

Сопровождающих было немного: два гвардейца отца, старая нянька Мирта, которая плакала всю дорогу и делала вид, что у неё просто насморк, и служанка Лина — молодая, испуганная, но с упрямо поджатыми губами. Элирия смотрела на них и думала: это всё, что осталось от её дома. Три человека и чемодан платьев.

Терновый замок появился из тумана на закате.

Он не был похож на сказочный дворец. Никаких витых башен, никаких стеклянных куполов. Тяжёлые стены из тёмного камня, узкие окна, мост через ущелье, в котором клубилась белая мгла. Над воротами висел герб: терновый венец, обвитый змеёй. Элирия смотрела на него и чувствовала, как её собственная магия — тёплая, зелёная, живая — сжимается в комок где-то под рёбрами.

— Не бойтесь, ваше высочество, — прошептала Лина. — Может, они не такие страшные, как говорят.

— Они пьют кровь, — сказала Мирта. — Они уже страшные.

— Тихо, — сказала Элирия.

Ворота открылись без скрипа. За ними стоял двор, вымощенный серым камнем, и на ступенях главного входа её жда-

ли.

Король Валерен был высоким, седым, с лицом, похожим на вырезанную из дерева маску. Королева Морвен — красивая той холодной, отточенной красотой, которая не стареет, а каменеет. Она улыбнулась Элирии так, будто та была пятном на скатерти, которое нужно вежливо оттереть.

А между ними, чуть в стороне, стоял принц Каэлен.

Он был в чёрном камзоле, без плаща, и в сумерках его глаза казались почти прозрачными. Он смотрел на неё без интереса — как смотрят на документ, который нужно подписать.

Элирия вышла из кареты. Ноги у неё затекли, платье помялось, и она вдруг остро, до слёз, почувствовала, что от неё пахнет дорогой, жасмином и страхом.

— Ваше высочество, — сказала королева Морвен. — Добро пожаловать в семью.

Голос у неё был мягкий, как шёлк, которым затягивают петлю.

Элирия поклонилась. Ровно настолько, насколько требовал этикет. Ни на волос больше.

— Благодарю, ваше величество.

Она выпрямилась и встретилась взглядом с Каэленом.

Он не улыбнулся. Не кивнул. Только посмотрел на неё — долго, внимательно, будто искал что-то, что можно использовать.

— Ваши покои готовы, — сказал он наконец. — Вас про-

водят. Ужин в восемь. Опоздания здесь не любят.

— Я запомню, — сказала Элирия.

— И ещё, — добавил он, уже поворачиваясь. — В этом замке не растут цветы. Не пытайтесь их здесь сажать.

Она не ответила. Но когда он ушёл, когда королева Морвен повела гостей внутрь, когда Лина тихо ахнула, увидев тёмные коридоры, Элирия остановилась на пороге и посмотрела на серый двор.

В щели между камнями, у самой стены, пробивался крошечный росток. Бледный, тонкий, почти прозрачный. Он тянулся к свету, которого здесь почти не было.

Элирия присела и коснулась его пальцем. Росток задрожал. Она почувствовала, как её магия — зелёная, упрямая, живая — тянется к нему сквозь камень.

— Значит, не растут, — прошептала она. — Посмотрим.

Где-то в глубине замка закрылась дверь. Эхо прокатилось по коридорам и затихло.

Элирия выпрямилась, подхватила подол платья и шагнула в Терновый замок.

Глава 2. Ледяной приём

Каэлен стоял у окна своей башни и смотрел, как внизу, во дворе, слуги разгружают сундуки феи.

Сундуков было семь. Семь. Он насчитал их машинально, как считают ворон на поле боя, и поймал себя на раздражении, которое его же и удивило. Чего он ожидал? Что она приедет с одним платьем и мешком семян? Она — принцесса. У неё есть свита, багаж, привычки. У неё есть всё, кроме выбора.

Каэлен отвернулся от окна.

В его покоях было холодно — не потому, что камин не топили, а потому, что он сам не велел его топить. Холод помогал думать. Холод напоминал, кто он и где его место. Холод не задавал вопросов.

Обряд был коротким.

Их поставили рядом перед алтарём — её в белом с золотом, его в чёрном, — и жрец, старый вампир с руками, похожими на корни, прочитал слова, которые никто не слушал. Кровь смешали в чаше. Её кровь пахла мёдом и скошенной травой. Его — железом и ночью. Жрец сказал: «Свершилось». Королева Морвен улыбнулась. Король Валерен кивнул. Фея не плакала. Вот что запомнил Каэлен: она не плакала. Стояла прямо, как свеча, и смотрела в стену за алтарём так, будто пыталась запомнить каждый камень.

Он ждал слёз. Ждал истерики, мольбы, чего угодно, что подтвердило бы: она слабая, она чужая, она не выдержит. Она не дала ему этого удовольствия.

Теперь она была в своих покоях — в конце западного крыла, за три двери от его собственных. Он сам выбрал это расстояние. Достаточно близко, чтобы двор видел: брак настоящий. Достаточно далеко, чтобы не слышать, как она дышит.

В дверь постучали.

— Войди.

Вошла служанка — Марта, старая, с лицом, как печёное яблоко, одна из немногих, кому он доверял хотя бы наполовину.

— Ваше высочество, принцесса просит вас зайти. Говорит, это важно.

Каэлен не двинулся с места.

— Что именно важно?

— Не сказала, ваше высочество. Сказала только: «Передайте принцу, что я не собираюсь ночевать в коридоре».

Каэлен усмехнулся. Впервые за день — по-настоящему.

— Хорошо. Иду.

Он вошёл без стука.

Её покои были такими же серыми, как всё в замке, — каменные стены, тяжёлые шторы, кровать с балдахином, который видел ещё его прабабку. Но что-то изменилось. На подоконнике стоял горшок с землёй. Рядом — ещё один. И ещё.

Три горшка, в которых не было ничего, кроме тёмной земли.

Фея стояла посреди комнаты, сняв верхнее платье. Осталась в простом льняном платье до колен, с распущенными волосами — тёмно-русыми, с рыжиной, которая в свете свечей казалась почти красной. Она босиком стояла на холодном полу. И смотрела на него.

— Ты не постучал, — сказала она.

— Это мой замок, — ответил Каэлен. — Я не стучу в дверях собственного дома.

— Это теперь и мой дом. По крайней мере, так сказал жрец.

Она не улыбнулась. Не отвела взгляда. В её глазах было что-то, чего он не ожидал: не страх, не ненависть, а усталое, упрямое спокойствие. Как у человека, который уже пережил худшее и решил, что дальше будет проще.

— Ты просила зайти, — напомнил он. — Я здесь. Говори.

Она подошла к кровати и села на край. Не пригласила его сесть. Он остался стоять.

— Я хочу обсудить правила, — сказала она. — Пока мы не легли спать.

— Спать?

— Не притворяйся идиотом, — сказала она спокойно. — Это унизительно для нас обоих.

Каэлен почувствовал, как что-то в нём дёрнулось — не гнев, а что-то похожее на уважение. Она не боялась его. Это было... неожиданно.

— Хорошо, — сказал он. — Правила. Я слушаю.

Она сложила руки на коленях. Пальцы у неё были в земле — он заметил это только сейчас. Тёмные полосы под ногтями, как у садовницы.

— Первое, — сказала она. — Я не буду делить с тобой постель. Ни сегодня, ни потом. Это политический союз. Я согласилась на него, потому что мой отец болен, а мой народ гибнет. Но я не соглашалась быть твоей женой в... остальном.

Каэлен скрестил руки на груди.

— Я не собирался к тебе прикасаться.

— Прекрасно. Взаимно.

— Второе? — спросил он, потому что она замолчала, ожидая его ответа.

— Второе: у меня будут свои покои, свои слуги и своя магия. Я не буду спрашивать разрешения, чтобы выйти в сад. Я не буду отчитываться, где провожу время, если это не касается безопасности замка. И я не буду ужинать с твоей матерью каждый вечер, потому что она смотрит на меня так, будто я — пятно, которое нужно оттереть.

Каэлен моргнул.

— Ты... заметила.

— Я не слепая, — сказала фея. — И не глупая. Твоя мать меня ненавидит. Она хотела другую невестку. Я знаю.

В комнате стало тихо. Свеча на столе дёрнулась, и тени заплясали по стенам.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Я слышала, как она говорила об этом со служанкой, — сказала фея. — В коридоре. Перед обрядом. Она сказала: «Эта фея — ошибка. Сильвана была бы лучшей королевой».

Каэлен почувствовал, как холод — тот самый, привычный, спасительный — разливается по спине. Сильвана. Она произнесла это имя так просто, будто оно ничего не значило. Будто не было десяти лет, будто не было клятв, будто не было того вечера, когда он стоял в саду и ждал её, а она пришла с письмом от его матери, в котором говорилось: «Брак с принцем невозможен. Ты должна выйти за Дориана».

— Моя мать, — сказал он медленно, — не имеет права голоса в этом браке.

— Она так не думает, — сказала фея. — И ты это знаешь.

Она встала. Подошла к окну и открыла створку — резко, без предупреждения, впустив в комнату холодный ночной воздух и запах мокрого камня.

— Я не прошу твоей любви, — сказала она, глядя в темноту. — Я не прошу твоей защиты. Я прошу только одного: не мешай мне. Я посажу цветы в этом замке. Я найду способ помочь своему народу. Я выживу здесь. И ты мне не помешаешь.

Каэлен смотрел на её спину — тонкую, прямую, с вызовом в каждой линии.

— Ты очень уверена в себе, — сказал он.

— Нет, — ответила она, не оборачиваясь. — Я очень напугана. Просто это не твоё дело.

Он хотел ответить что-то колкое. Хотел напомнить ей, что она — чужая, что её цветы завянут, что её магия здесь бесполезна, что она — пешка, как и он. Но вместо этого сказал:

— Третье.

Она обернулась.

— Что?

— Третье правило, — сказал он. — Я не буду приходить к тебе ночью. Но и ты не будешь приходить ко мне. Если что-то случится — стучи. Я открою. Но только по делу.

— По делу, — повторила она. — Хорошо.

Он кивнул и пошёл к двери. Уже взялся за ручку, когда она сказала:

— Каэлен.

Он замер. Она впервые назвала его по имени. Не «ваше высочество», не «принц», не «сын короля вампиров». Просто Каэлен. Звук был странным — как будто кто-то тронул струну, о существовании которой он забыл.

— Что? — спросил он, не оборачиваясь.

— Почему у тебя в комнате не топят камин?

Он не ответил. Вышел и закрыл за собой дверь.

В коридоре он остановился.

Прислонился спиной к холодному камню и закрыл глаза. В голове было пусто и гулко, как в заброшенном зале. Сильвана. Мать. Фея с землёй под ногтями и голосом, в котором не было ни мольбы, ни страха.

Он вспомнил, как год назад стоял в саду и ждал Сильвану. Как она пришла — в голубом платье, с письмом в руке, и сказала: «Каэлен, твоя мать права. Я не могу быть с тобой. Ты — наследник, а я — никто. Дориан даст мне титул. Ты дашь мне только войну».

Он тогда не поверил. Долго не верил. Пока не увидел их вместе — Сильвану и Дориана, — и в её глазах не было ни капли сожаления. Только расчёт.

А сегодня фея сказала: «Я не прошу твоей любви».

Может, она врала. Может, играла. Может, это была та же игра, что и у Сильваны, только с другими словами.

Он не знал.

Но впервые за долгое время ему было не всё равно.

Утром он вышел во двор и остановился.

На том месте, где вчера был серый камень, теперь была земля. Не просто земля — рыхлая, тёмная, влажная, как будто кто-то вскопал её ночью. А посреди этой земли торчал росток — тонкий, зелёный, с двумя бледными листьями.

Каэлен присел. Коснулся листа. Он был живой. Настоящий.

— Ваше высочество, — раздался голос за спиной. Марта, служанка. — Принцесса просила передать, что не придёт на завтрак. Говорит, у неё дела.

— Какие дела?

— Она в оранжерее. Сажает цветы.

Каэлен выпрямился.

— В оранжерее? Там же ничего не растёт уже триста лет.

Марта пожала плечами.

— Она говорит, что теперь будет.

Каэлен посмотрел на росток у своих ног. Потом — на окна западного крыла. Потом — на серое небо, в котором не было ни одного просвета.

— Пусть сажает, — сказал он.

И ушёл.

Глава 3. Тень прошлого

Оранжерея в Терновом замке была мёртвой.

Элирия поняла это в ту же секунду, как вошла. Стеклянный купол, почерневший от времени, пропускал свет неохотно, будто через грязное сито. Грядки были пустыми — не просто пустыми, а выскобленными, выстуженными, как тарелка, с которой вылизали всё до последней крошки. В углу валялась сломанная лейка. На подоконнике лежал слой пыли такой толщины, что на нём можно было писать.

Элирия провела по пыли пальцем. Написала: «Здесь будет сад».

Потом стёрла. Не потому, что передумала, а потому, что не любила пустых обещаний — даже своих собственных.

Она работала всё утро. Принесла из своих покоев горшки, выпросила у Марты старую тяпку, расчистила три грядки у южной стены — там, где света было больше всего. Земля поддавалась неохотно, как будто отвыкла, что её трогают. Но Элирия упрямо перекапывала ком за комом, шептала над каждым ростком, который доставала из сумки, и чувствовала, как магия — тёплая, зелёная — течёт из её пальцев в почву.

К полудню на первой грядке уже стояли тонкие стебли лунного жасмина. На второй — дикий шиповник, привезённый из дома. На третьей — мята, которую она посадила про-

сто так, для запаха.

— Ваше высочество, — сказала Лина, появляясь в дверях с подносом. — Вы не ели с утра.

— Потом.

— Ваше высочество...

— Лина, — Элирия выпрямилась и вытерла лоб тыльной стороной руки, оставив на нём полосу земли. — Если я сяду есть сейчас, я снова начну думать. А если я начну думать, я вспомню, где я и зачем. И тогда я, возможно, сяду на пол и заплачу. Ты этого хочешь?

Лина молча поставила поднос на подоконник.

— Хотя бы чай, — сказала она. — Пожалуйста.

Элирия вздохнула и взяла чашку. Чай был холодным — в замке всё остывало слишком быстро, — но она выпила его до дна, потому что Лина смотрела.

— Мне нужны книги, — сказала Элирия. — О здешней земле. О том, что здесь росло раньше. И о магии вампиров. Я должна понять, почему здесь ничего не растёт.

— В библиотеке, ваше высочество. Я спрошу у дворецкого.

— Сама спрошу, — сказала Элирия. — Мне нужно найти дорогу. Чем больше я хожу по этому замку, тем меньше он кажется клеткой.

Она не сказала главного: клетка не перестаёт быть клеткой, даже если ты выучила все её коридоры. Но Лина и так поняла. По глазам поняла.

Библиотека была в восточном крыле, за двойными дверями из чёрного дуба. Элирия толкнула их и остановилась на пороге.

Это было единственное место в замке, которое не казалось мёртвым.

Стеллажи уходили вверх, под самый потолок, теряясь в темноте. Книги стояли плотно, корешок к корешку, и от них пахло — не пылью, а кожей, воском и чем-то ещё, тёплым, почти живым. У дальней стены горел камин. На столе лежала раскрытая книга и остывшая чашка.

Кто-то был здесь недавно.

Элирия прошла вдоль полок. Корешки были подписаны на старом языке — она знала его плохо, но достаточно, чтобы разобрать: «История северных земель», «Трактат о крови и памяти», «Хроники Тернового дома». Она вытащила одну книгу, потом другую, потом третью, и села с ними за стол, отодвинув чашку.

Через час она поняла три вещи.

Первая: земля вокруг Тернового замка была проклята. Не вампирами — проклятие пришло раньше, ещё до основания королевства. Что-то древнее, тёмное, что высосало из почвы жизнь и оставило только камень. Вампиры научились жить с этим. Они построили замок на костях проклятия и назвали его домом.

Вторая: проклятие не было абсолютным. В старых хрони-

ках упоминались «очаги жизни» — места, где земля сопротивлялась. Сады, которые цвели вопреки всему. Но все они были уничтожены во время войн с феями.

Третья: на одной из страниц, между списком королей и описанием битвы, кто-то — от руки — нарисовал маленький цветок. Кривой, неумелый, но живой. Чернила выцвели, но рисунок был отчётливым. Элирия провела по нему пальцем и улыбнулась.

— Значит, не я первая, — прошептала она.

Она перевернула страницу и замерла.

На следующем листе был портрет. Не рисунок — вклеенная миниатюра в овальной рамке. Молодая женщина с тёмными волосами, уложенными в высокую причёску, с тонкой шеей и глазами цвета тёмного вина. Она улыбалась — не широко, уголком губ, — и в этой улыбке было столько уверенности, что Элирия почувствовала укол где-то под рёбрами.

Под портретом было написано от руки: «Сильвана. Свет моих очей».

Почерк был мужской. Ровный, с лёгким наклоном вправо.

Элирия перевернула миниатюру. На обороте — та же рука: «К. На память о лете, которого не будет».

Она сидела неподвижно, чувствуя, как холод из коридора просачивается в комнату.

— Вот ты где, — раздался голос.

Элирия подняла глаза. В дверях стояла Марта — та самая старая служанка, которая принесла ей завтрак. В руках она

держала стопку полотенец, но смотрела не на них, а на книгу в руках Элирии.

— Ты знаешь, кто это? — спросила Элирия.

Марта помолчала. Потом подошла ближе, поставила полотенца на стол и присела на край стула — без приглашения, как будто устала стоять.

— Леди Сильвана, — сказала она. — Первая любовь принца Каэлена.

— Первая любовь, — повторила Элирия.

— Они выросли вместе, — сказала Марта. — Её отец был главой совета. Её мать умерла, когда она была маленькой. Королева Морвен взяла её во дворец — воспитывала как родную дочь. Все думали, что свадьба — дело решённое. Принц был... — она поджала губы. — Другим. С ней.

— Каким?

— Живым, — сказала Марта просто. — Он смеялся. Представляешь? Принц Каэлен смеялся. А потом...

Она замолчала.

— Потом что? — тихо спросила Элирия.

— Потом королева решила иначе, — сказала Марта. — Она объявила, что леди Сильвана выйдет замуж за принца Дориана. Младшего. Говорят, принц Каэлен пришёл к матери, умолял её отменить решение. Она отказалась. Сказала, что долг превыше сердца.

— А Сильвана?

— Сильвана согласилась, — сказала Марта. — Говорят,

она сказала: «Я не могу быть с тобой, Каэлен. Но я могу быть с твоим братом. Это лучше, чем ничего».

Элирия посмотрела на портрет. На улыбку, которая теперь казалась не уверенной, а расчётливой.

— И королева до сих пор её любит, — сказала она.

— Королева Морвен никогда не любила никого, кроме себя, — сказала Марта. — Но леди Сильвана — её любимица. Она всегда мечтала, что они с принцем поженятся. А когда не вышло — решила, что хотя бы Дориан... — она махнула рукой. — Это всё сплетни, ваше высочество. Забудьте.

— Я не могу забыть, — сказала Элирия. — Я живу в замке, где каждый камень помнит её имя.

Марта встала.

— Ваше высочество, — сказала она тихо. — Не позволяйте им увидеть, что вам больно. Они этого ждут. Королева — особенно.

— Я знаю, — сказала Элирия.

Она закрыла книгу и положила её обратно на полку. Портрет остался внутри — между страницами, где ему и было место.

Ужин был в восемь.

Элирия надела лучшее платье, которое у неё было — тёмно-зелёное, с вышивкой серебряными нитями, — и заплела волосы в косу, чтобы они не падали на лицо. Она посмотрела на себя в зеркало и увидела то, что хотела увидеть: спокой-

ную, уверенную женщину, которая знает, чего стоит.

— Ты выглядишь как принцесса, — сказала Лина.

— Я и есть принцесса, — ответила Элирия. — Пойдём.

В большом зале было холодно. Камин горел, но его тепла не хватало на всех — вампиры, казалось, не замечали холода. За длинным столом сидели король Валерен, королева Морвен, принц Каэлен, принц Дориан — младший брат, которого Элирия видела только мельком, — и ещё несколько придворных, чьи имена она не запомнила.

А рядом с Дорианом, на месте, которое по праву принадлежало бы жене наследника, сидела женщина в тёмно-красном платье.

Сильвана.

Она была ещё красивее, чем на портрете. Взрослее, увереннее, с той же улыбкой уголком губ, только теперь в ней было больше холода. Она подняла глаза, когда Элирия вошла, и улыбнулась — вежливо, тепло, безупречно.

— Ваше высочество, — сказала она. — Наконец-то мы встретились. Я так много о вас слышала.

Элирия остановилась.

— Правда? — спросила она. — И что же вы слышали?

— Что вы привезли в наш замок весну, — сказала Сильвана. — Говорят, в оранжерее уже распустились цветы. Это... необычно.

— Это моя работа, — сказала Элирия. — Я — фея. Мы выращиваем то, что другие считают невозможным.

— Как мило, — сказала Сильвана.

В её голосе не было ни капли насмешки. Только мягкое, снисходительное восхищение — как будто она хвалила ребёнка за кривой рисунок.

Элирия села на своё место. Каэлен, сидевший напротив, не поднял глаз от тарелки.

— Ваше высочество, — сказала королева Морвен, — как вам наш замок? Надеюсь, вы не слишком скучаете по дому?

— Я не скучаю, — сказала Элирия. — Я работаю.

— Работаете? — королева подняла бровь. — Чем же?

— Сажаю цветы, — сказала Элирия. — И читаю. В библиотеке много книг о здешней земле. Я хочу понять, почему здесь ничего не растёт.

— И почему же? — спросила королева.

— Проклятие, — сказала Элирия. — Древнее. Оно высосало жизнь из почвы. Но не полностью. Есть места, где земля сопротивляется.

За столом стало тихо. Дориан поднял голову — в его глазах было что-то похожее на интерес. Сильвана перестала улыбаться. А Каэлен наконец посмотрел на неё — прямо, внимательно, как будто увидел впервые.

— И вы думаете, что сможете его снять? — спросила королева.

— Я думаю, что смогу попробовать, — сказала Элирия. — Если вы не против.

Королева Морвен улыбнулась. Улыбка была холодной, как

лезвие.

— Конечно, — сказала она. — Попробуйте. Это будет... занимательно.

Сильвана наклонилась к Дориану и что-то прошептала ему на ухо. Дориан усмехнулся.

Каэлен отодвинул тарелку.

— Я закончил, — сказал он. — Ваше высочество, — он посмотрел на Элирию, — если вы хотите осмотреть землю вокруг замка, я могу показать вам, где раньше были сады. Завтра. На рассвете.

Элирия моргнула.

— На рассвете?

— Если вы не против, — сказал он.

В его голосе не было тепла. Но не было и презрения. Просто слова. Просто предложение.

— Не против, — сказала Элирия.

— Тогда встречаемся у конюшен, — сказал он и вышел.

После ужина Элирия шла по коридору, и её догнала Сильвана.

— Ваше высочество, — сказала она. — Можно вас на минуту?

Элирия обернулась. Сильвана стояла в свете факелов, и её тёмно-красное платье казалось почти чёрным.

— Конечно, — сказала Элирия.

Сильвана подошла ближе. Улыбка всё ещё была на месте,

но глаза были другими — холодными, оценивающими.

— Я хотела сказать, — сказала она, — что вы очень смелая. Приехать сюда. Выйти замуж за вампира. Это... не каждый бы смог.

— Спасибо, — сказала Элирия.

— Каэлен... — Сильвана помолчала, как будто подбирала слова. — Он не простой. Он был... другим, когда мы были моложе. Но теперь... — она вздохнула. — Не позволяйте ему обидеть вас. Он может быть жестоким, не желая того.

Элирия почувствовала, как что-то холодное шевельнулось у неё в груди.

— Вы говорите так, будто знаете его лучше, чем кто-либо, — сказала она.

— Я знала его, — сказала Сильвана. — Это не одно и то же. Но... — она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего у Элирии по спине побежали мурашки, — если вам когда-нибудь понадобится помощь, я всегда рядом. Мы ведь теперь почти сёстры.

Она повернулась и ушла, и её шаги растворились в темноте коридора.

Элирия стояла неподвижно. Слова Сильваны звенели у неё в ушах — мягкие, тёплые, с крючками на концах.

Она вдруг вспомнила портрет. «К. На память о лете, которого не будет».

И подумала: интересно, сколько ещё таких писем хранится в этом замке. И кто их написал — Каэлен, или это был

чужой почерк.

Глава 4. Королева-мать

Урок этикета начался в семь утра.

Элирия не спала почти всю ночь — читала хроники до третьей свечи, — и когда в дверь постучали, она подумала, что это Лина с чаем. Но на пороге стояла не Лина. На пороге стояла фрейлина королевы — сухая женщина с лицом, как у цапли, и руками, сложенными так, будто она всю жизнь держала невидимую указку.

— Её величество ждёт вас в малом зале, — сказала она. — Немедленно.

— В семь утра? — Элирия пригладила волосы. — Что-то случилось?

— Урок этикета, ваше высочество. Её величество решила, что вам нужно... освежить знания.

Элирия посмотрела на неё. Фрейлина не моргнула.

— Дайте мне минуту, — сказала Элирия.

Она оделась быстро — простое платье, без украшений, волосы забрала в узел. Если королева хочет устроить проверку, пусть видит, что фея не тратит время на бриллианты перед завтраком.

Малый зал был пустым, холодным и слишком светлым — окна выходили на восток, и утреннее солнце било прямо в глаза. Королева Морвен сидела в кресле у камина, в котором не горел огонь. Перед ней стоял столик с чайным сервизом.

Вторая чашка — пустая — ждала Элирию.

— Садитесь, — сказала королева.

Элирия села.

— Чай?

— Спасибо, ваше величество.

Королева налила ей сама — тонкой струйкой, не пролив ни капли. Это было почти изящно. Почти по-матерински. Элирия взяла чашку и почувствовала, как пальцы королевы на миг коснулись её пальцев — холодные, как камень в тени.

— Итак, — сказала королева Морвен. — Начнём с главного. Вы — принцесса фей. Я — королева вампиров. Наши народы ненавидят друг друга триста лет. Вы понимаете, что это значит?

— Что нам придётся потрудиться, чтобы это изменить, — сказала Элирия.

— Нет, — сказала королева. — Это значит, что каждый ваш шаг будут обсуждать. Каждое слово — перевирать. Каждый промах — запоминать. Вы — не просто жена моего сына. Вы — символ. И если символ выглядит... неподобающе, — она сделала паузу, — страдает не только ваша репутация. Страдает корона.

Элирия поставила чашку.

— Я понимаю, ваше величество.

— Не понимаете, — сказала королева мягко. — Но поймёте. Начнём с платья. Это зелёное, которое вы носили вчера, — она поморщилась, — оно слишком яркое. У нас здесь

не весенний бал. Тёмные тона. Приглушённые. Никаких цветов в вышивке.

— Это платье моей матери, — сказала Элирия. — Оно было сшито в Терновом королевстве, для моего первого бала.

Королева подняла бровь.

— Как трогательно. Но здесь оно неуместно. Я распоряжусь, чтобы вам сшили новые. Серые. Или чёрные. Вам пойдёт.

Элирия посчитала до трёх. Потом до пяти.

— Хорошо, — сказала она.

— Далее. Ваша магия. — Королева отставила чашку. — Я слышала, вы выращиваете цветы. В оранжерее. Это... мило. Но в присутствии гостей, пожалуйста, воздержитесь. Наши придворные могут неверно истолковать ваши... фокусы.

— Фокусы, — повторила Элирия.

— Я не хочу вас обидеть, — сказала королева. — Я просто говорю правду. Для вампиров магия фей — это нечто... несерьёзное. Как детские сказки. Если вы будете демонстрировать её на каждом шагу, вас не воспримут всерьёз.

— А если я не буду демонстрировать её на каждом шагу, — сказала Элирия, — меня не воспримут всерьёз как фею.

Королева улыбнулась.

— Вы умны, — сказала она. — Это хорошо. Умные жёны живут дольше. Но иногда умные жёны забывают, что их главная задача — не спорить, а поддерживать.

— Поддерживать кого?

— Моего сына, разумеется, — сказала королева. — Каэлен — наследник. Ему нужна жена, которая будет рядом. Которая не будет устраивать сцен. Которая не будет привлекать внимание к своим... особенностям.

Элирия почувствовала, как чай в чашке начинает дрожать. Не от холода. От неё.

— Ваше величество, — сказала она медленно, — я понимаю, что вы хотите для своего сына лучшего. Но я не могу перестать быть феей. И я не могу перестать быть собой.

— Никто и не просит, — сказала королева. — Я прошу только одного: помните, где вы находитесь. И кто вас здесь терпит.

Слово «терпит» повисло в воздухе, как капля яда на кончике иглы.

Элирия встала.

— Спасибо за чай, — сказала она. — И за урок. Я его запомню.

Королева не ответила. Она смотрела на неё с тем же мягким, снисходительным выражением, с каким смотрят на ребёнка, который пытается нести слишком тяжёлую ношу.

Элирия вышла из зала. В коридоре она остановилась, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

«Кто вас здесь терпит».

Она знала, что это игра. Знала, что королева хочет, чтобы она сломалась, заплакала, побежала к Каэлену жаловаться.

И знала, что если она это сделает — проиграет.

Она не заплакала. Она выпрямилась, поправила платье и пошла в оранжерею.

Земля поддавалась тяжело.

Элирия работала уже час — перекапывала грядку у восточной стены, — когда заметила, что за ней наблюдают. Она выпрямилась и увидела в дверях старика-садовника. Тот стоял, прижав к груди шляпу, и смотрел на неё так, будто увидел привидение.

— Ваше высочество, — сказал он. — Простите, что помешал.

— Вы не помешали, — сказала Элирия. — Вы — садовник?

— Гарт, — сказал он. — Я здесь... давно. Очень давно.

— Гарт, — Элирия улыбнулась. — Помогите мне. Эта земля слишком плотная. Я не могу пробиться.

Старик подошёл. Посмотрел на грядку — на перекопанную почву, на тонкие стебли, которые уже торчали из земли, — и его лицо изменилось.

— Это... — он присел на корточки и коснулся листа. — Это живое.

— Конечно, живое, — сказала Элирия. — Я же фея.

— Но здесь... — Гарт покачал головой. — Здесь ничего не росло. Я пытался. Сорок лет пытался. Земля как камень. А вы...

— Я не просто сажаю, — сказала Элирия. — Я прошу. Земля здесь не мёртвая. Она просто... забыла. Ей нужно напомнить.

Гарт посмотрел на неё. В его глазах было что-то, чего она не ожидала: не недоверие, а надежда. Старая, ржавая, как гвоздь, который слишком долго лежал в сырости.

— Вы... вы правда думаете, что сможете? — спросил он.

— Я не знаю, — сказала Элирия. — Но я попробую.

Она опустилась на колени рядом с ним, положила ладони на землю и закрыла глаза. Магия потекла из неё медленно, как мёд, — тёплая, тягучая. Она не приказывала. Она просила.

«Проснись, — шептала она земле. — Я знаю, ты устала. Я знаю, тебе больно. Но ты можешь. Ты сильнее, чем думаешь».

Земля под её пальцами вздрогнула.

Элирия открыла глаза. Прямо перед ней, между двумя комьями, пробивался росток — тонкий, бледно-зелёный, с крошечным бутоном. Он рос на глазах. Медленно, но рос.

Гарт ахнул.

— Роза, — сказал он. — Это роза. Здесь. В Терновом замке.

Элирия улыбнулась. Впервые за два дня — по-настоящему.

— Смотрите, — сказала она. — Я же говорила.

Бутон раскрылся. Лепестки были белыми, с розовым от-

ливом у основания, и от них пахло — свежо, чисто, как весной.

Гарт смотрел на розу так, будто она была чудом. Может, для него и была.

— Ваше высочество, — сказал он тихо. — Я думал, что умру, не увидев здесь цветов. Я думал, что земля проклята навсегда.

— Не навсегда, — сказала Элирия. — Ничего не бывает навсегда.

Она не услышала шагов. Просто почувствовала, как воздух в оранжерее изменился — стал холоднее, плотнее. Обернулась.

Каэлен стоял в дверях.

Он смотрел не на неё. Он смотрел на розу.

В его глазах было что-то, чего Элирия ещё не видела: не презрение, не скука. Удивление. Настоящее, неприкрытое, почти детское удивление. Как будто он увидел то, что считал потерянным много лет назад.

И потом — быстрее, чем она успела это заметить, — удивление исчезло. Лицо снова стало холодным. Он нахмурился.

— Что это? — спросил он.

— Роза, — сказала Элирия. — Я же говорила, что попробую.

— В оранжерее, — сказал он. — Где все могли видеть.

— А что, это запрещено?

Он подошёл ближе. Остановился в шаге от неё, и она по-

чувствовала, как от него пахнет холодом — камнем, дождём и чем-то ещё, тёмным, как вино.

— Моя мать, — сказал он тихо. — Она уже говорила с тобой?

— Утром, — сказала Элирия. — Урок этикета.

— И?

— И она сказала, что мои цветы — фокусы. Что моё платье слишком яркое. И что я должна помнить, кто меня здесь терпит.

Каэлен молчал. В его глазах что-то двигалось — медленно, как тень под водой.

— Она не должна была этого говорить, — сказал он наконец.

— Но сказала.

— Сказала, — согласился он.

Он посмотрел на розу — долго, внимательно. Потом перевёл взгляд на Элирию.

— В следующий раз, — сказал он, — когда она захочет поговорить с тобой, скажи мне.

— Зачем?

— Затем, что я — твой муж, — сказал он. — И я не позволю моей матери делать тебе больно.

Он повернулся и пошёл к двери. На пороге остановился.

— Завтра на рассвете. Конюшни. Не опаздывай.

И ушёл.

Элирия стояла, глядя ему вслед. Роза у её ног пахла вес-

ной. Гарт за спиной тихо, счастливо вздыхал.

Она не знала, что было страннее: то, что королева пыталась её сломать, или то, что Каэлен только что — впервые — встал на её сторону.

Глава 5. Брат и невеста

Каэлен узнал об этом за завтраком.

Он сидел во главе стола — отец в последнее время всё чаще пропускал трапезы, ссылаясь на усталость, — и как раз подносил чашку к губам, когда королева Морвен вошла в зал. Она была в тёмно-синем, с высокой причёской, и улыбалась так, будто несла в руках подарок.

— Доброе утро, — сказала она. — У меня новость.

Каэлен поставил чашку.

— Надеюсь, хорошая.

— Очень хорошая, — сказала королева, садясь. — Дориан, подойди сюда. Сильвана, дорогая, ты тоже.

Каэлен почувствовал, как что-то внутри него сжимается — медленно, как кулак.

Дориан поднялся со своего места. Он был младше Каэлена на три года, но выглядел старше — в последнее время он всё чаще хмурился, всё реже смеялся. Сильвана встала следом. Она была в тёмно-красном, как вчера, и её лицо было спокойным. Слишком спокойным.

— Мы с вашим отцом, — сказала королева, — решили, что пришло время укрепить наши связи. Дориан — наследник второго дома. Сильвана — дочь главы совета. Их союз будет... логичным.

Каэлен не двинулся.

— Союз, — повторил он.

— Брак, — сказала королева. — Через месяц. Мы объявим на балу.

В зале стало тихо. Слуги замерли с подносами. Придворные опустили глаза в тарелки. Только Дориан смотрел прямо перед собой — на стену за спиной брата, — и на его лице не было ни радости, ни удивления. Только усталость.

Каэлен медленно перевёл взгляд на Сильвану.

Она не отвела глаз. Не покраснела. Не опустила ресницы. Стояла ровно, как свеча, и смотрела на него с тем же спокойствием, с каким смотрела вчера на Элирию.

— Ты знала, — сказал он.

— Я знала, — сказала Сильвана.

— И согласилась.

— Я согласилась.

— Почему?

Она сделала шаг вперёди — грациозно, как всегда, — и положила руку на спинку стула. В её движениях не было ни капли неловкости. Только расчёт.

— Потому что это разумно, — сказала она. — Дориан — наследник. Я — дочь главы совета. Наш брак укрепит королевство. И... — она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то, от чего у Каэлена застыла кровь, — твоя мать всегда мечтала, чтобы я вошла в семью. Если не через тебя, то через твоего брата.

— Если не через тебя, — повторил Каэлен. — То через

моего брата.

— Не злись, — сказала Сильвана. — Это политика. Ты же знаешь, как это бывает.

Каэлен встал.

Стул отъехал назад с таким звуком, что слуги вздрогнули. Он обошёл стол — медленно, не сводя с неё глаз, — и остановился перед ней.

— Я ждал тебя, — сказал он тихо. — Год назад. В саду. Я стоял там до утра. Ты не пришла.

Сильвана подняла бровь.

— Я пришла. Я сказала тебе всё, что нужно было сказать.

— Ты сказала, что не можешь быть со мной. Что я — наследник, а ты — никто. Что Дориан даст тебе титул. А я — только войну.

— Это правда, — сказала Сильвана. — Ты не можешь дать мне титул. Ты можешь дать мне только корону. А корона — это не титул. Это...

— Это что? — спросил Каэлен.

Она посмотрела на него — прямо, без тени сожаления.

— Это клетка, — сказала она. — Как твоя. Я не хочу быть в клетке.

Каэлен почувствовал, как что-то внутри него трещит — не громко, не трагично, просто как лёд на реке в начале весны. Он уже слышал этот звук. Два дня назад, когда фея стояла в своих покоях и говорила: «Я не прошу твоей любви».

— Ты могла сказать мне это тогда, — сказал он. — Год

назад. В саду.

— Я сказала, — ответила Сильвана. — Ты просто не услышал.

Королева Морвен наблюдала за ними с кресла, и на её лице было выражение человека, который смотрит пьесу и знает, чем она закончится.

— Дорогие мои, — сказала она мягко. — Не ссорьтесь. Это же праздник.

Каэлен обернулся.

— Праздник, — сказал он. — Ты выдаёшь мою... — он замолчал, потому что слово «любовь» застряло в горле, — ...мою бывшую невесту за моего брата. И называешь это праздником?

— Я выдаю её за наследника второго дома, — сказала королева. — Это разумно.

— Это унизительно.

— Это политика, — сказала королева. — Ты знал, что так будет. Ты знал, что я не отступлю. Сильвана — дочь главы совета. Её брак с Дорианом укрепит наши позиции. А ты... — она улыбнулась, — у тебя теперь есть жена. Фея. Которая сажает цветы.

Каэлен посмотрел на неё — долго, внимательно.

— Ты сделала это специально, — сказал он. — Ты хочешь, чтобы я возненавидел Сильвану. Чтобы я возненавидел Дориана. Чтобы я возненавидел фею.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, — сказала королева.

— Но счастье — это не всегда то, что мы выбираем сами.

Он ушёл из зала.

Вышел во двор, где слуги разгружали телеги с зерном, и остановился у стены, глядя на серое небо. В груди было пусто и горячо одновременно, как будто внутри него что-то прогорело.

Сильвана. Год назад он стоял в саду и ждал её. Он верил ей. Верил, что она придёт, что она выберет его, что она — не такая, как все. А она выбрала Дориана.

Дориана.

Он вспомнил, как они были детьми. Дориан всегда шёл за ним — младший брат, который боялся темноты и просил рассказывать ему сказки перед сном. Каэлен рассказывал. Каждую ночь. Про рыцарей, про драконов, про принцесс, которые не хотели выходить замуж за принцев.

А теперь Дориан забирает его невесту.

Нет. Не забирает. Ему её дают. Мать даёт.

Каэлен закрыл глаза.

Он не знал, кого ненавидел больше: Сильвану, которая согласилась. Дориана, который молчал. Или мать, которая всё это устроила.

Он стоял так долго, что не заметил, как к нему подошёл Дориан.

— Каэлен.

Он открыл глаза.

Брат стоял в шаге от него — бледный, с упрямо сжатыми губами. В его глазах не было торжества. Не было вины. Только усталость.

— Ты знал? — спросил Каэлен.

— Знал, — сказал Дориан.

— И согласился.

— У меня не было выбора.

— У тебя всегда есть выбор.

— Нет, — сказал Дориан тихо. — Не всегда. Ты — наследник. Ты можешь позволить себе отказаться. А я — второй сын. Мне нечего наследовать, кроме того, что даст мать.

Каэлен посмотрел на него. Брат был выше его на полголовы, но сейчас казался меньше.

— Ты её любишь? — спросил он.

Дориан помолчал.

— Нет, — сказал он. — Но я не могу сказать ей это. И не могу сказать матери. И не могу сказать тебе.

— Почему?

— Потому что ты бы возненавидел меня ещё больше.

Каэлен молчал.

— Я не хотел этого, — сказал Дориан. — Я не просил. Я не... — он сжал кулаки. — Я просто хочу, чтобы ты знал: я не враг тебе. И никогда не был.

Он повернулся и ушёл обратно в замок.

Каэлен остался стоять у стены. Ветер шевелил его волосы, и в этом ветре было что-то, от чего хотелось закрыть глаза

и не открывать.

Элирия нашла его через два часа.

Он сидел в оранжерее — на той самой скамье у восточной стены, где утром она сажала розы. Он не знал, зачем пришёл сюда. Просто ноги принесли.

— Ты здесь, — сказала она.

Он поднял голову. Фея стояла в дверях — в простом платье, с землёй на пальцах, с растрёпанными волосами. В её глазах не было жалости. Только вопрос.

— Я слышала, — сказала она. — О Сильване и Дориане. Весь замок уже знает.

— Конечно, знает, — сказал Каэлен. — Моя мать позаботилась.

Элирия подошла и села рядом с ним на скамью. Не слишком близко. На расстоянии вытянутой руки.

— Мне жаль, — сказала она.

— Не надо меня жалеть.

— Я не жалею, — сказала она. — Я просто... говорю.

Он посмотрел на неё.

— Ты знала, что так будет?

— Нет, — сказала она. — Но я не удивлена. Твоя мать хочет, чтобы ты страдал. Она хочет, чтобы ты был один. Тогда ты будешь зависеть от неё.

Каэлен моргнул.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что моя мачеха делала так же, — сказала Элирия. — Она выдала мою сестру замуж за человека, которого я любила. Не потому, что хотела ей счастья. А потому, что хотела, чтобы я была одна.

— И что ты сделала?

— Я уехала, — сказала Элирия. — А потом вернулась. И вышла за тебя.

Она помолчала.

— Я не говорю, что это было легко. И не говорю, что я простила. Но я не позволила ей победить.

Каэлен смотрел на неё — долго, внимательно. Впервые за два дня он увидел в ней не фею, не чужачку, не пешку. А женщину, которая знала, что такое боль, и не сломалась.

— Моя мать хочет нас поссорить, — сказал он тихо. — Тебя и меня. Она хочет, чтобы я возненавидел тебя так же, как возненавидел Сильвану.

— Я знаю, — сказала Элирия.

— Не позволяй ей.

Она посмотрела на него.

— Я не собиралась.

Он кивнул. Встал.

— Завтра на рассвете, — сказал он. — Конюшни. Я покажу тебе, где раньше были сады.

— Я помню, — сказала Элирия.

Он пошёл к двери, но на пороге остановился.

— Элирия.

Она обернулась.

— Спасибо, — сказал он.

И вышел.

Элирия осталась сидеть на скамье. Роза у её ног цвела — белая, с розовым отливом. Гарт, который всё это время тихо работал в углу, подошёл и присел рядом.

— Ваше высочество, — сказал он. — Принц... он не всегда был таким.

— Я знаю, — сказала Элирия.

— Он был другим. До того, как... — Гарт махнул рукой. — До леди Сильваны.

— Я знаю, — повторила Элирия.

Она смотрела на розу и думала: интересно, сколько ещё таких роз нужно посадить, чтобы этот замок перестал быть таким холодным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.